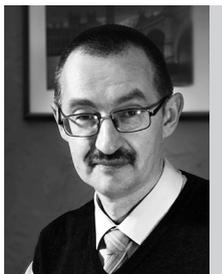

ТЕХНОЛОГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Кокоулин Владислав Геннадьевич,

Новосибирское высшее военное командное училище,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Главный редактор научно-исторического журнала
«Сибирский Архив»,
доктор исторических наук, профессор,
Новосибирск, Россия,
ORCID: 0000-0001-6375-0173,
E-mail: kwladislaw@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.06.2020, принята к публикации 10.08.2020

Для цитирования: Кокоулин В.Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3(40). С. 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10301

Аннотация

В статье на основе анализа содержания кинокартин, вышедших на экраны в годы Перестройки и в постсоветской России, характеризуются основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне. За основу взята классификация приёмов и методов, которые применяются при фальсификации истории. Автор отмечает, что в отличие от фальсификаторов истории, которые оперируют историческими фактами и их интерпретациями, политика исторической памяти оперирует мифами, символами, клише и идеологемами.

В отличие от имеющихся исследований, которые преимущественное внимание обращают либо на способы фальсификации исторических событий, либо на содержательную сторону политики исторической памяти, автор данной статьи показывает, как применяются различные технологические приёмы трансформации исторической памяти на примере Великой Отечественной войны.

Выделяются следующие технологии трансформации исторической памяти: стирание исторической памяти, переписывание смысла, лишение исторических со-

© Кокоулин В.Г., 2020

бытий реального содержания, развенчание и дискредитация героев, «чёрный» миф, генерирование «фобий» по отношению к событиям прошлого и разрыв единого исторического пространства.

Автор приходит к выводу, что основным мифом, который лежит в основе трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в годы Перестройки и в постсоветской России, стал миф о «страдающем советском народе», который заменил советский миф о «процветающем советском народе».

Ключевые слова:

технологии трансформации исторической памяти, политика исторической памяти, массовое сознание, Великая Отечественная война, мифологизация, идеология, Перестройка, постсоветская Россия.

UDC 321.022

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10301

TECHNOLOGIES FOR TRANSFORMING THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN POST-SOVIET RUSSIA

Kokoulin Vladislav Gennadyevich,

Novosibirsk higher military command school,
Siberian University of consumer cooperation,
Scientific and historical journal «Siberian Archive», Editor-in-chief,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Novosibirsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6375-0173,
E-mail: kwladislaw@yandex.ru

Article received on June 6, 2020, accepted on August 10, 2020

To cite this article: Kokoulin V.G. (2020). Tekhnologii transformacii istoricheskoy pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne v postsovetskoj Rossii [Technologies for Transforming the historical memory of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 10-25. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10301

Abstract

Based on the analysis of the content of films released during Perestroika and in post-Soviet Russia, the article describes the main technologies for transforming the historical memory of the Great Patriotic war. It is based on the classification of techniques and methods that are used for falsification of history. The author notes that unlike falsifiers of history,

who operate with historical facts and their interpretations, the policy of historical memory operates with myths, symbols, cliches and ideologems.

In contrast to the existing research, which focuses primarily on the methods of falsification of historical events, or on the content of the policy of historical memory, the author of this article shows how various technological methods of transforming the historical memory are used on the example of the Great Patriotic war.

The following technologies of transforming the historical memory are distinguished: the destruction of historical memory, rewriting the meaning, depriving historical events of real content, debunking and discrediting heroes, “black” myth, generating “phobias” in relation to events of the past, and breaking a single historical space.

The author concludes that the main myth that underlies the transformation of the historical memory of the Great Patriotic war in the years of Perestroika and in post-Soviet Russia was the myth of the “suffering Soviet people”, which replaced the Soviet myth of the “prosperous Soviet people”.

Keywords:

technologies of transforming the historical memory, politics of historical memory, mass consciousness, Great Patriotic war, mythologization, ideology, Perestroika, post-Soviet Russia.

Введение

Согласно социологическим опросам, которые проводились в России в разные годы, среди значимых событий XX в. самым главным остаётся Победа в Великой Отечественной войне. Об этом, например, свидетельствуют данные Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС (Покида, 2015). Однако в политике исторической памяти тема Победы занимает незначительное место. За последние 30 лет было снято несколько сот фильмов и сериалов, посвящённых Великой Отечественной войне, и среди них нет ни одного фильма, посвящённого Победе. Даже выпущенный в прокат в 2006 г. фильм «День Победы» был посвящён тому, как воевал «штрафбат». Это не удивительно. Победа в Великой Отечественной войне не вписывается в фундаментальный миф, который лежит в основе политики исторической памяти в постсоветской России. Этот миф сформировался в годы Перестройки и состоял в замене прежнего советского мифа о «процветающем советском народе» на миф о «пострадавшем советском народе».

Политика исторической памяти о Великой Отечественной войне активно изучается в современной российской и зарубежной историографии (Кегель, 2006; Кокоулин, 2020). Большой вклад в её изучение внесла Уральская школа политической дискурсологии. Так, в публикациях К. С. Романовой рассмотрены общие проблемы изучения исторической памяти (Романова, 2016, 2017), в статье Е. Д. Кочневой – использование исторических событий Великой Отечественной войны в практике политики исторической памяти (Кочнева, 2015), в статьях О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова проанализировано происхождение и содержание мифа о равной ответственности гитлеровской Германии

и СССР за развязывание Второй мировой войны, а также показано место этого мифа в политике исторической памяти в современной России и причины того, почему в этой политике отрицается связь между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной (Русакова, Русаков, 2016а, 2016б).

Следует отметить, что подавляющее большинство исследователей анализируют преимущественно содержание политики исторической памяти и массового исторического сознания, оставляя за рамками исследования те технологии, которые используются для трансформации исторической памяти не только о войне, но и о советском периоде российской истории в целом. Между тем, эти технологии из учебной литературы, публицистики и кинематографии постепенно проникают в научную литературу, которая вместо изучения исторических событий и пропаганды научных знаний включается в процесс формирования мифологических пластов массового исторического сознания современной России.

В настоящей статье на основе анализа вышедших на экран в постсоветской России кинофильмов и сериалов разных жанров анализируются основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Технологии трансформации исторической памяти имеют много общего с приёмами фальсификации истории (Балабушевич, 2012; Золотарёв, 2010). Разница между фальсификациями и политикой исторической памяти состоит в том, что в первом случае операции производятся над фактами и их интерпретациями, а во втором – преимущественно над мифами, символами, клише и идеологемами.

Результаты исследования

Рассмотрим основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне на конкретных примерах их применения.

Стирание исторической памяти

Особенностью данной технологии является сознательное замалчивание определённых событий или возможных интерпретаций неоднозначных событий. Применительно к освещению событий Великой Отечественной войны эта технология либо замалчивает события, связанные с достижениями и с тем, чем российское общество может по праву гордиться, либо выводит на первый план негативные моменты, которые имеются в истории любого общества, не исключая и российское.

Следует отметить, что данная технология по отношению к исторической памяти о Великой Отечественной войне не является изобретением Запада в период «холодной войны», периода Перестройки или постсоветской России. Стирание исторической памяти началось сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Политика исторической памяти первых послевоенных лет была направлена на вытеснение из массового сознания трагических и неоднозначных сторон прошедшей войны, особенно её начального периода, и замену их эпико-героическими страницами (Добренко, 2020, с. 59). Это хорошо видно

при сравнении фильмов периода самой войны и первых послевоенных лет. Так, первые акцентировали внимание на мобилизации всех ресурсов страны (как материальных, так и «духовных») на борьбу с фашистскими захватчиками, а вторые посвящались исключительно победе как символу торжества советского строя, сталинского руководства и преимуществ социализма.

Этот ракурс освещения событий прошедшей войны в политике исторической памяти сохранялся до периода Перестройки. Так, практически не показывался начальный период войны с горькими поражениями, а если и показывался, то исключительно в ракурсе «вероломного нападения фашистской Германии на мирно спящую страну Советов». Зато всё больше и больше внимания уделялось победоносным сражениям – битве под Москвой, Сталинградом, Курском и триумфальному наступлению на Берлин. А те сражения, в которых Красная Армия или не достигла значительных успехов или потерпела поражение (например, Ржевская битва), сознательно вытеснялись из исторической памяти и, соответственно, из массового сознания. Стирание памяти продолжалось после XX съезда КПСС и в годы правления Л. И. Брежнева. Переписывались мемуары, возвеличивались одни герои в ущерб другим. Место Сталина как руководителя страны в годы Великой Отечественной войны в политике исторической памяти прочно заняла коммунистическая партия.

Технологию стирания памяти применял не только СССР, но и все прочие страны, как участвовавшие в войне, так и нейтральные. Так, Австрия долгое время позиционировала себя как «первую жертву Гитлера» и лишь потом признала, что была «участником войны». Переформатированием исторической памяти о войне занималась даже нейтральная Швейцария (Ormes, 2011).

Основным различием в разных странах и в разные исторические периоды было то, *что* подвергалось стиранию.

В период Перестройки произошло кардинальное переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе политики исторической памяти в советский период. Миф о «процветающем советском народе» был заменён мифом о «пострадавшем советском народе». Отметим, что оба этих мифа являются акцентами истории советского общества, в котором были как безусловные достижения (полёт в космос, бесплатные медицина и образование и т. д.), так и трагические страницы (репрессии, поражения в начальный период Великой Отечественной войны и т. д.).

Политика исторической памяти в период Перестройки характеризовалась двумя особенностями. Во-первых, критикуя Сталина, политика апеллировала к возврату к ленинским истокам социализма. Во-вторых, в научном сообществе господствовали представления о том, что достаточно заполнить «белые пятна» в истории советского периода, и мы сразу же получим цельную картину исторического прошлого.

С начала 1991 г. политика исторической памяти из «антисталинской» превратилась в «антисоветскую». А вместо заполнения «белых пятен» истории на вооружение была взята концепция «двух тоталитаризмов»: сталинского и гитлеровского, якобы идентичных друг другу. Более того, концепт «тоталитаризма» распространили на всю эпоху существования советского общества, начиная с 1917 г. и до 1991 г. В учебной литературе ярчайшим воплощением такого подхода стал учебник двух профессоров Новосибирского университета, в котором

вся советская история была спешно переписана для обоснования «тоталитарного» характера советского общества. Чтобы сгустить краски, авторы объявили сталинский «тоталитаризм» более «зловещим», чем гитлеровский, аргументируя это тем, что он победил в войне и продержался более 70 лет. Поразительно, но даже страдания ленинградцев во время блокады эти авторы объяснили не военными планами Гитлера и нападением фашистской Германии, а «просчётами» сталинского руководства (Кузнецов, Исупов, 1996). Как показали исследователи О. Ф. Русакова и В. М. Русаков, этот концепт использовался фальсификаторами для обоснования, например, «равной ответственности» СССР и фашистской Германии за развязывание Второй мировой войны (Русакова, Русаков, 2016а).

В итоге, в фильмах, начиная с 1990-х гг., совершенно исчезают такие знаковые для советского времени фигуры, как коммунисты, комсомольцы, деятели партийных организаций, как собственно и само понятие «советский народ». Ярчайшим примером стал фильм «28 панфиловцев» (2016), который активно рекламировался как «снятый на народные деньги». Авторы фильма через диалоги героев заменили понятие «СССР» на понятие «Россия», «коммунистов» – на «русских офицеров и солдат», «советский народ» – на «русских и немного казахов», которые, как разъясняется в фильме, тоже «русские», поскольку сражаются в России и за Россию.

Переписывание смысла

В случае стирания исторической памяти целиком «удаляются» события, герои, символы и т. д. Если же событие или символ сохраняются, но в них вкладывается иной смысл, то это значит, что мы имеем дело с другой технологией – переписыванием смысла.

Ярким примером применения данной технологии стал фильм «Брестская крепость» (2010). Брестская крепость в советские времена была символом мужества и несгибаемой воли к сопротивлению врагу. В фильме о Брестской крепости мы видим оборону самой крепости, ожесточённые сражения, защитников крепости, и, наконец, смерть одних героев и сдачу в плен других. Как отмечали внимательные зрители на различных интернет-форумах, в данном фильме исторические события и факты были существенно переформатированы. Но не исторические ошибки и искажения – главное в нём. Идея фильма, если попытаться кратко её сформулировать, состоит в следующем: фашисты напали на мирную крепость, гарнизон которой не был готов к нападению, хотя все знали, что война может начаться в любой момент, и эту крепость фашисты разрушили. Завершается всё повторяющимся закадровым текстом: «такой-то репрессирован тогда-то». Фильм показывает все «ужасы» тоталитарного общества, в котором априори ничего не может быть хорошего. Армия не оснащена и вооружена примитивным оружием, стратегические участки не оборудованы для боя, совершенно нет медикаментов, офицеры почти сплошь безграмотные с шапкозакладательскими настроениями. Молодому поколению навязывают мысль о том, что люди погибли напрасно, этого можно было бы избежать, если бы руководство страны готовило войска к обороне и само было бы готово к войне.

Если старшее поколение хорошо знает, почему Брестская крепость оказалась в глубоком тылу, то для молодого поколения авторы фильма даже не пред-

принимают попытки объяснить этот факт. Точнее, есть намёк на то, что все думали, что «будем сражаться малой кровью на чужой территории» и не более того. В фильме нет ответа и на вопрос «Почему?». Но главное в фильме даже не это. В советское время Брестская крепость была символом первой победы. В фильме же смысл меняется – показано поражение. И не понятно, ради чего эти люди умирали, а не сдались в плен. В фильме падение Брестской крепости – это конец истории. В реальности же защитники крепости после неудачной попытки прорыва поняли, что не выберутся, но приняли решение стоять до конца, перейдя ту невидимую грань, которая отделяет подвиг от собственной жизни и смерти. В этом была победа духа и воли.

Лишение исторических событий реального содержания

В случае переписывания смысла берётся реальное событие, но его смысл заменяется другим. Ещё одним приёмом переформатирования исторической памяти является тот случай, когда остаётся форма, название, но реальное содержание выхолащивается.

Данная технология также широко применяется в современных фильмах о войне. Так, в случае с упоминавшимся выше фильмом «28 панфиловцев» (2016), героическая оборона Москвы (а в данном фильме речь идёт об одном из эпизодов этой обороны) выглядит следующим образом. Оживлённые упитанные мужчины средних лет с шутками-прибаутками обсуждают фашистские танки (какая у них броня, сколько у них катков и т. д.). Нет никакого намёка на то, что это будет, возможно, их последний бой. Затем на марше они опять же оживлённо обсуждают 300 спартанцев и 7 самураев (последнее, кстати, характеризует уровень исторических знаний создателей фильма – после Халхин-Гола восхищаться японцами это всё равно, что восхищаться храбростью и доблестью эсесовцев после битвы под Москвой). В окопах они опять что-то оживлённо обсуждают. Атака врага – снова балагурят. Создаётся впечатление, что автор фильма «про войну» читал только «Похождения бравого солдата Швейка». В фильме нет ни врага – «тупые» танки и «тупые» немцы толпой идут на «русские» окопы и дружно погибают. Героев тоже нет – балагурящие или равнодушно стреляют, или просто падают «от вражеской пули». Подвига тоже нет, поскольку герои ничего не боятся, и вообще плохо представляют, куда и зачем они пришли. Пиротехника и спецэффекты – вот что привлекло внимание молодёжи к фильму. Но под красивой обёрткой зрители не заметили, что им предлагается «пустышка».

Разумеется, данная технология не ограничивается этим фильмом. Она активно применялась ещё с периода Перестройки. Так, в киноэпопее «Сталинград» (1989) авторы напрочь лишают смысла битву за Сталинград. После просмотра фильма остаётся впечатление, что действуют два безумца – Гитлер и Сталин. Первый старается занять город, который носит имя его врага, а второй – отправляет на заклание дивизию за дивизией, лишь бы не допустить фашистов в город своего имени. И ни малейшего намёка на то, что Волга была не только последним крупным естественным препятствием для гитлеровцев, рвущихся к кавказской нефти, но и важнейшей транспортной артерией, по которой шли баржи и танкеры.

Кстати, более современный фильм «Сталинград» (2013) ещё более лишён реального содержания. Его смысл сводится не к битве за Сталинград или Родину, а к «междусобойчику» между ярым фашистом за одну женщину и несколькими «русскими» парнями – за другую. Никакого подвига не показано, напротив, солдаты безразличны и к Родине, и к Сталину. Причём создатели фильма «уровняли» Гитлера и Сталина. Так, в доме, где пирует главный фашист, на стене висит портрет Сталина. Фашистские солдаты строятся, а на заднем плане – барельеф Сталина. С точки зрения нашей истории Сталинград был одним из труднейших и кровопролитнейших сражений против рвущейся к Волге гитлеровской армии с неисчислимым количеством подвигов. С точки зрения немецких мемуаристов, Сталинград был адской бойней, закончившейся разгромным поражением. Но ни один из этих аспектов не показан создателями фильма. С их точки зрения, Сталинград – это всего лишь место для свиданий. Любовь показывалась как близость двух душ, которые оказались в огненном аду.

Ещё одним примером можно считать фильм под названием «Битва за Севастополь» (2015). По сюжету – это любовный блокбастер женщины-снайпера, лишь случайно оказавшейся на поле боя. Фильм с равным успехом можно было назвать как угодно – «Битва за Одессу», «Битва за...» и ничего не изменится. К реальной битве за Севастополь или хотя бы к одному из эпизодов этой битвы фильм отношения не имеет.

И, наконец, последний пример – фильм «Ржев» (2019). Это «Ржев» без Ржева, герои без героизма и Победа без победителей. Практически каждый советский фильм прославлял мужество и героизм советского солдата, давал понять, какой ценой досталась в итоге Победа. В «Ржеве» солдаты весь фильм «поливают помоями» государство, за которое их «заставили» воевать. Разумеется, что никакого отношения к тяжелейшим боям под Ржевом фильм не имеет.

Развенчание и дискредитация героев

Следующая технология трансформации исторической памяти не отрицает событий, не отрицает фактов, но подаёт их, применяя метод дегероизации. При этом прибегают к двум приёмам – либо поступки героя анализируются и показываются без учёта исторического контекста, либо основное внимание акцентируется на отрицательных сторонах жизни героя.

Стараниями кинематографистов из исторической памяти о Великой Отечественной войне уже стёрты понятия «советский солдат» и «коммунист», исчез и Сталин как руководитель советского государства; многим событиям придан иной смысл (Брестская крепость из символа победы стала символом поражения); из таких событий, как битва за Сталинград, Севастополь или Ржев удалено реальное содержание. Но остаются символы, которые по-прежнему напоминают нам о войне и Победе. Например, полководцы Победы. И главный из них – маршал Г.К. Жуков. В отношении него в полной мере применяется технология развенчания и дискредитации.

В период Перестройки Жукова противопоставляли Сталину, изображая первого как единственного творца Победы. Так, в фильме «Сталинград» (1989) Сталин показан недалёким самодуром, который с лёгкостью, граничащей с идиотизмом, отбрасывает все данные агентуры и измывается над генералами-

подлизами. Из мудрого и немногословного, каким он изображался в советских фильмах, он превращается в злобно-подозрительного. Жуков в этом фильме показан дерзким и ни с чем не согласным, постоянно спорящим со Сталиным, причём иной раз не по- существу. В этой же киноэпопее появляется сюжет про Берию, который доносит Сталину про амбиции Жукова.

В начале 1990-х гг. после дискредитации Сталина кинематографисты взялись и за Жукова. В фильме «Генерал» (1992), посвящённом генералу А.В. Горбатову, основной сюжет повествует о том, как непокорный генерал Горбатов спорит с «шапкозакидательскими планами Ставки», чтобы сохранить живыми как можно больше солдат. Ставку представляет Г.К. Жуков, который постоянно перебивает Горбатова и регулярно впадает в истерику, а также проливает реки русской крови.

Вскоре в 1995 г. на экраны вышел фильм Юрия Озерова, автора позднесоветских эпико-героических кинокартин о войне. Он собрал из своих прежних фильмов отдельные фрагменты и смонтировал из них кинокартину «Великий полководец Георгий Жуков». Образ Жукова в этом фильме, в отличие от позднесоветских фильмов того же режиссёра, оказался несколько утрированным – зрителям великий полководец был показан эдаким солдафоном в галифе.

Спустя 16 лет кинематографисты окончательно «расправились» с народным героем и маршалом Победы Г.К. Жуковым, выпустив на экраны сериал «Жуков» (2011). Из серии в серию рассказывается о запутанных отношениях Жукова с женой и любовницами, интригах И.В. Сталина с использованием Абакумова и Берии против «метившего в Бонапарты» Жукова, кознях против него хрущёвского и брежневского аппарата. Продюсер А. Пиманов не скрывал своего замысла. В интервью «Российской газете» он разъяснял: «Мы показали человека, в которого были влюблены и страна, и женщины, которые до конца жизни не могли от него оторваться. Нам кажется, что мы поняли Жукова. Мы встали над этой женской дракой, потому что его делят до сих пор...» (Пиманов, 2012). В итоге вся деятельность Г.К. Жукова была сведена к тому, что он безжалостно реками лил кровь «русских» солдат, да к тому же ещё оказался «моральным разложением».

Подобная технология применяется и к героям меньшего масштаба. В качестве примера можно привести фильм о подводнике Александре Маринеско «Первый после бога» (2005). Технологию дискредитации героя в этом фильме показала журналистка Л. Маслова. Конечно, реальный Александр Маринеско не был идеальным: случалось, что и устраивал дебоши, и карточную игру любил. Но поскольку это никак не отменяло его героизм и мужество, то кинематографисты придумали линию с дворянским происхождением героя, добавив образ особиста, который разыскивает служившего у Колчака брата Александра Маринина (так в фильме зовут главного героя). Быт подводников создатели фильма также показали не в лучшем виде – то они постоянно развлекаются со шведскими проститутками, то изрядно выпивший комбриг сокрушается, что не может пойти с другими офицерами в бордель. А на вопрос о том, как ему удаётся уходить от вражеских судов, Александр Маринин отвечает просто: «Везёт!». Героизм, таким образом, сведён к простому бесшабашному поведению и везению, ни страха, ни профессионализма, ни трезвого расчёта, ни офицер-

ской чести. Какой же это герой-подводник? Стараниями кинематографистов он превращён в простого картёжника, пьяницу и бабника (Маслова, 2005, с. 22).

«Чёрный» миф

Если у кинематографистов не находится подходящих событий, символов, сюжетов или героев для пропаганды определённой позиции, то их просто придумывают и затем показывают в нужном (как правило отрицательном) ракурсе, либо заведомо отрицательных персонажей показывают в положительном ключе. Так появляются «чёрные» мифы.

Самым ярким примером подобного мифа в постсоветской России является фильм «Сволочи» (2006). В этом фильме Великую Отечественную войну просто оболгали. Фильм снят о том, чего никогда не было в Советском Союзе – об использовании подростков в качестве «пушечного мяса». Да, подростки воевали в партизанских отрядах, в подполье, трудились в тылу, но того, что показано в «Сволочах», просто не могло быть.

Другим воплощением «чёрного» мифа в постсоветском российском кинематографе можно назвать тему штрафных рот и штрафбатов. В российском кинематографе эта тема появилась в эпоху Перестройки. В фильме «Гу-га» (1989) штрафную роту попадает за серьёзный проступок курсант лётного училища. Режиссёр попытался убедить зрителей, что в штрафники попадали «ни за что», выходом из штрафной роты были либо смерть, либо, в крайнем случае, освобождение после тяжёлого ранения. Именно штрафники, по мнению создателей фильма, вынесли всю тяжесть войны, в то время как остальные солдаты отсиживались в блиндажах, а потом незаслуженно получали награды.

Расцвет данной темы пришёлся на начало 2000-х гг., когда вышел в свет сериал «Штрафбат» (2004). Основная цель сериала – создать у зрителя впечатление о том, что воры, убийцы и прочие уголовники – это не просто «такие же люди», но ещё и герои, которые совершают подвиги, выполняя безумные приказы злобных советских командиров. Основные «враги» в этом сериале – не фашисты, а особисты, которые в фильме расстреливали штрафников направо и налево. Итог подвёл фашистский генерал, сказавший следующее: «Если бы у Германии было так много солдат – разве стала бы она их так бесщётно разбазаривать? Подобное поведение России вызывает гордость... или страх».

С исторической точки зрения ко многому тому, что показано в «Штрафбате», необходимо относится критически. Дело в том, что в частях Красной Армии штрафные батальоны укомплектовывались из офицеров и политработников, совершивших какие-либо профессиональные проступки. Рядовых и младший командный состав направляли в отдельные штрафные роты. Командовали и теми, и другими кадровые офицеры. Политических и уголовников в такие подразделения не направляли. Тех, кто бежал из плена, не отправляли в штрафбаты и штрафроты. Их проверяли в особых отделах и снова отправляли на фронт. Известно, что за период войны через штрафные части прошли чуть больше 420 тыс. человек, что составляет менее 1,5% от всех, кто воевал в Красной Армии. Поэтому такой сериал можно с полным правом отнести к числу «чёрных» мифов. Следует также отметить, что образ штрафников, идущих плотной

массой по минным полям, к сожалению, стал расхожим клише в постсоветском кинематографе.

Генерирование «фобий» по отношению к событиям прошлого

Предыдущие технологии трансформации исторической памяти проявляются, так сказать, «на поверхности». Их используют по большей части сознательно. Но есть приёмы и методы, которые «скрыты» не только от потребителя идеологической продукции, но и, зачастую, от самих производителей этой продукции. Речь идёт о генерировании различных «фобий» по отношению к событиям прошлого, которые должны вызывать страх и ненависть по отношению к прошлому и формировать неуверенность по отношению к настоящему и будущему.

За последние десять с небольшим лет сняты десятки сериалов про диверсантов. Тема, конечно, не новая для российского кинематографа. Однако именно в настоящий период она переживает небывалый расцвет. Причины же этого расцвета вовсе не очевидны. Но их можно выявить, исходя из исторических аналогий.

Так, если обратиться к истории Французской революции, то можно увидеть, что конспирологические теории играли важную роль в объяснении многих сторон этой революции в массовом сознании: политических оппонентов проще представить в роли заговорщиков и террористов. Теории заговора достаточно убедительно объясняют неожиданное фиаско казавшегося незыблемым режима. Этот феномен обстоятельно проанализирован в относительно недавно вышедшей коллективной монографии «Заговор во Французской революции». Особенно детально это явление разобрано в очерке Томаса Кайзера, вошедшем в данную коллективную монографию (Kaiser, 2010).

Применительно к политике исторической памяти о Великой Отечественной войне следует отметить, что после того, как были произведены колоссальные изменения в ландшафте «героев» и «врагов» в этой войне, потребовались «новые» враги и герои. Здесь как нельзя кстати оказались востребованы фигуры «разведчиков» в роли «героев» и «диверсантов Абвера» в роли «врагов». Причём «диверсанты Абвера» – это не только немецкие фашисты, но и разного рода «кроты», действовавшие в наших военных и специальных органах. Вот лишь некоторые из сериалов, которые развивают эту тему: «Смерть шпионам» (2007), «Смерть шпионам. Крым» (2008), «Военная разведка. Западный фронт» (2010), «Смерть шпионам. Скрытый враг» (2012), «Военная разведка. Первый удар» (2012), «По законам военного времени» (2015), «Смерш» (2019) и др.

Формируемый «конспирологический взгляд» на прошедшие события призван генерировать разного рода «фобии», связанные с непредсказуемостью и «загадочностью» военной жизни, в которой всё организовано агентами и контрагентами. «Агентурный» взгляд на исторические события усиливает неуверенность и в понимании настоящего: ведь всё видимое представляется в качестве ширмы для «происков враждебных сил», а политическая борьба, идущая в российском обществе, редуцируется к «тайным замыслам элит». Единственный позитивный вывод, который может извлечь зритель из данного подхода, – это упование на разум и благородство в деятельности собственных спецслужб. И этот вывод уже находит своё отражение в очередном повороте политики исторической памяти о Великой Отечественной войне. Три десятка лет россиянам показывали

на экране «зверства кровавых чекистов» и омерзительные фигуры особистов и энкавэдэшников как воплощение «зловещего» сталинского режима. Но в последние годы в российском кинематографе стали появляться сперва неоднозначно плохие/хорошие чекисты (например, капитан Шмелёв в сериале «По законам военного времени» (2015)), а затем и вообще доброжелательные и вежливые «НКВДисты» (сериал «Подлежит уничтожению» (2019)).

Разрыв единого исторического пространства

Ещё одной технологией трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне, которая не столь очевидна на первый взгляд, является отрыв показываемых военных событий от сформировавших их суть и смысл крупных и значимых событий прошлого.

Так, во всех фильмах, посвящённых Великой Отечественной войне, вышедших на экраны в постсоветский период, данная война вполне намеренно «отрывается» от Октябрьской революции. Если в фильмах раскрываются биографии героев, то всегда показывается, что они вышли «не из Октября», а из раскулачивания и репрессий 1930-х гг., из белоэмигрантского движения и других социальных и прочих групп, которые пострадали от сталинского режима. Данный феномен был обстоятельно проанализирован в работах О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова (Русакова, Русаков, 2016b, с. 11), О. Ф. Русаковой и Е. Д. Кочневой (Русакова, Кочнева, 2017, с. 17–30). В них показано, что идейно-политический разрыв с Октябрем нацелен на то, чтобы стереть из массовой памяти представление о грандиозной роли Великой Октябрьской социалистической революции, кардинально изменившей последующую траекторию развития России и всего мира. Тот факт, что Победа в Великой Отечественной войне просто не могла бы состояться, если бы советская власть не сформировала систему ценностей человека социалистической ориентации, не провела бы культурную революцию, ускоренную модернизацию и индустриализацию страны, многие современные действующие политики предпочитают замалчивать. Отсюда – и «стыдливая» драпировка здания мавзолея В. И. Ленина, и трансформация даты 7 Ноября в день военного парада 1941 года, и проведение в нашей стране «тихого» 100-летнего юбилея Октябрьской революции. Такой сознательный уход от собственного исторического прошлого, хотя и сделанный под предлогом примирения политических сил для обеспечения единства нации, рано или поздно может отозваться новыми конфликтами, о чём не следует забывать.

Заключение

Кинофильмы и сериалы о Великой Отечественной войне – наиболее массовый идеологический продукт политики исторической памяти в постсоветской России. Однако он не является единственным способом воздействия на массовое историческое сознание. Что касается школьного и студенческого возраста – то для формирования их исторического сознания предназначены учебники истории и научно-популярная литература, а также многочисленные Интернет-сайты и ресурсы военной тематики. На думающее среднее и старшее поколение россиян направлена публицистика и документальные фильмы.

Символическое пространство также активно используется для формирования нужных представлений о прошедшей войне. Конструирование новых смыслов войны и деконструкция исторической памяти происходит в исторических музеях и музейных экспозициях, посвящённых войне. Причём это происходит не только в современной России, но и в других странах, и порой принимает достаточно странные формы (см., напр., Ven-Zeev, 2020).

Однако массированное воздействие на прошлое, как показывает исторический опыт, вовсе небезопасно для самого общества, поскольку трансформирование памяти о прошлых событиях имеет не только идеологический аспект, но и прикладной. Например, формирование представлений о том, кто является агрессором, а кто является жертвой в войнах и вооружённых конфликтах, может служить основой для взимания контрибуций и получения репараций. В качестве примера можно привести деятельность исследовательской группы «Historical Memory Group» в Колумбии, которая в 2007–2013 гг. готовила доклад о причинах вооружённого конфликта в стране (Alcalá & Uribe, 2016). Инструментализация памяти о Холокосте служила для обоснования агрессивной внешней политики в Израиле (Musolff, 2016). Манипуляции и трансформации исторической памяти запустили деструктивные процессы на современной Украине (Shevel, 2016). Можно привести и другие примеры. Поэтому вполне правомерной будет постановка такой проблемы, как «Трансформация исторической памяти о Великой Отечественной войне и национальная безопасность России». Связь между ними достаточно очевидна, но необходим детальный анализ политических, социальных, ментальных и информационных последствий той трансформации памяти о войне, которая происходит в постсоветской России.

Список литературы

1. Балабушевич, В.Ю. (2012). Фальсификация истории (опыт философского осмысления). *Мир науки, культуры, образования. Научный журнал*, 3(34), 289–292.
2. Балабушевич, В.Ю., Гурский, А.И., Кокоулин, В.Г. (2015). Историческая память о Великой Отечественной войне: символическое измерение. *Гуманитарные проблемы военного дела*, 1(2), 75–79.
3. Добренко, Е.А. (2020). *Поздний сталинизм: эстетика политики* (Т. 1). М.: Новое литературное обозрение.
4. Золотарев, В. (2010). Понять и разгадать. Национальная идея, военно-историческая наука и фальсификация минувшего. *Военно-промышленный курьер*, 3.
5. Кегель, Изабель де (2006). Необычные перспективы: Великая Отечественная война в новейших российских фильмах. *Память о войне 60 лет спустя* (с. 757–759). М.: Новое литературное обозрение.
6. Кокоулин, В.Г. (2020). Мифотворчество о Великой Отечественной войне в советских и постсоветских учебниках истории. «И помнит мир спасённый»: Система образования, как залог победы советского народа в Великой Отечественной войне. *Сборник докладов конференции* (с. 278–286). Уфа: БГПУ.

7. Кочнева, Е.Д. (2015). Политика памяти в России как систематическая работа с прошлым. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(20–21), 50–56.
8. Кузнецов, И.С., Исупов, В.А. (1996). *История России с 1917 года до наших дней: Учеб.кн.* Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.
9. Маслова, Л. (2005, 3 ноября). Божье судно в фильме «Первый после бога». *Коммерсант*, 208, 22.
10. Пиманов, А. (2012, 26 января). Интервью. *Российская газета*.
11. Покида, А., Зыбуновская, Н. (2015). *Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Взято с <http://credo-new.ru/archives/658>
12. Романова, К.С. (2016). Дискурсы исторической памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(24–25), 31–36.
13. Романова, К.С. (2017). Дискурсы исторической памяти (продолжение). *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(26), 36–42.
14. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30.
15. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016a). Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч. 1. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(22), 10–17.
16. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016b). Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч. 2. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(23), 8–17.
17. Alcalá, P.R., & Uribe, M.V. (2016). Constructing Memory amidst War: The Historical Memory Group of Colombia. *International Journal of Transitional Justice*, 10(1), 6–24.
18. Ben-Ze'ev, E., & Lomsky-Feder, E. (2020, April). Remaking generational memory: practices of decanonisation at historical museums. *International Journal of Heritage Studies*, 1–15.
19. Kaiser, Thomas E. (2010). Catilina's Revenge: Conspiracy and Historical Consciousness in the French Revolution. In Peter R. Campbell, Thomas E. Kaiser, & Maria Linton (Eds.), *Conspiracy in the French Revolution. (Chapter 9)*. Manchester University Press.
20. Musolff, A. (2016). Instrumentalization of Holocaust Memory and False Historical Analogies. *The Holocaust in the Twenty-First Century: Contesting/Contested Memory (Routledge Studies in Cultural History). Book 40, Chapter 3*.
21. Ormes, S. (2011). A masterable Past? Swiss historical memory of World War II. *Senior Honors Theses. Paper 4*, 5–8.
22. Shevel, O. (2016). The Battle for Historical Memory in Postrevolutionary Ukraine. *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs*, 115(783), 258–263.

References

1. Alcalá, P.R., & Uribe, M.V. (2016). Constructing Memory amidst War: The Historical Memory Group of Colombia. *International Journal of Transitional*

Justice, 10(1), 6–24.

2. Balabushevich, V. Yu. (2012). Fal'sifikaciya istorii (opyt filosofskogo osmysleniya) [Falsification of history (experience of philosophical understanding)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Nauchnyj zhurnal*, 3(34), 289–292.

3. Balabushevich, V. Yu., Gurskij, A. I., & Kokoulin, V. G. (2015). Istoricheskaya pa-myat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: simvolicheskoe izmerenie [Historical memory of the Great Patriotic war: symbolic dimension]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 1(2), 75–79.

4. Ben-Ze'ev, E., & Lomsky-Feder, E. (2020, April). Remaking generational memory: practices of decanonisation at historical museums. *International Journal of Heritage Studies*, 1–15.

5. Dobrenko, E. A. (2020). *Pozdnij stalinizm: estetika politiki* (T. 1). [Late Stalinism: the aesthetics of politics (Vol. 1)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

6. Kaiser, Thomas E. (2010). Catilina's Revenge: Conspiracy and Historical Consciousness in the French Revolution. In Peter R. Campbell, Thomas E. Kaiser, & Maria Linton (Eds.), *Conspiracy in the French Revolution. (Chapter 9)*. Manchester University Press.

7. Kegel', Izabel' de (2006). Neobychnye perspektivy: Velikaya Otechestvennaya vojna v novejsih rossijskih fil'mah [Unusual perspectives: the Great Patriotic war in the latest Russian films]. *Pamyat' o vojne 60 let spustya* (pp. 757–759). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Kochneva, E. D. (2015). Politika pamyati v Rossii kak sistematicheskaya rabota s proshlym [Memory policy in Russia as a systematic work with the past]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3–4(20–21), 50–56.

9. Kokoulin, V. G. (2020). Mifotvorchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne v sovetskih i postsovetskih uchebnikah istorii [Myth-making about the Great Patriotic war in Soviet and post-Soviet history textbooks]. *"I pomnit mir spasyonnyj": Sistema obrazovaniya, kak zalog pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sbornik dokladov konferencii* (pp. 278–286). Ufa: BGPU.

10. Kuznecov, I. S., & Isupov, V. A. (1996). *Istoriya Rossii s 1917 goda do nashih dnei. Ucheb. kn.* [History of Russia from 1917 to the present day. Study book]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta.

11. Maslova, L. (2005, November 13). Bozh'e sudno v fil'me "Pervyj posle boga" [God's ship in the movie "First after God"]. *Kommersant*, 208, 22.

12. Musolf, A. (2016). Instrumentalization of Holocaust Memory and False Historical Analogies. *The Holocaust in the Twenty-First Century: Contesting/Contested Memory (Routledge Studies in Cultural History). Book 40, Chapter 3*.

13. Ormes, S. (2011). A masterable Past? Swiss historical memory of World War II. *Senior Honors Theses. Paper 4*, 5–8.

14. Pimanov, A. (2012, January 26). Interv'yu [Interview]. *Rossijskaya gazeta*.

15. Pokida, A., & Zybunovskaya, N. (2015). *Istoricheskaya pamyat' rossiyan o Veli-koj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Historical memory of Russians about the Great Patriotic war of 1941–1945]. Retrieved from <http://credo-new.ru/archives/658>

16. Romanova, K. S. (2016). Diskursy istoricheskoy pamyati [Discourses of historical memory]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3–4(24–25), 31–36.

17. Romanova, K. S. (2017). Diskursy istoricheskoy pamyati (prodolzhenie) [Discourses of historical memory (continue)]. *Scientific*

Journal "Discourse-P", 1(26), 36–42.

18. Rusakova, O.F., & Kochneva, E.D. (2017). Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati [Assessments of the October revolution in the official discourse of memory politics]. *Scientific Journal "Discourse-P", 3–5(28–29), 17–30.*

19. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2016a). Velikaya Otechestvennaya vojna i po-litika istoricheskoy pamyati. Ch. 1 [The Great Patriotic war and the politics of historical memory. Part 1]. *Scientific Journal "Discourse-P", 1(22), 10–17.*

20. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2016b). Velikaya Otechestvennaya vojna i po-litika istoricheskoy pamyati. Ch. 2 [The Great Patriotic war and the politics of historical memory. Part 2]. *Scientific Journal "Discourse-P", 2(23), 8–17.*

21. Shevel, O. (2016). The Battle for Historical Memory in Postrevolutionary Ukraine. *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs, 115(783), 258–263.*

22. Zolotarev, V. (2010). Ponyat' i razgadat'. Nacional'naya ideya, voenno-istoricheskaya nauka i fal'sifikaciya minuvshego [Understand and unravel. National idea, military-historical science and falsification of the past]. *Voенно-promyshlennyj kur'er, 3.*